

Абрамовских Елена Валерьевна, Трофимова Анастасия Владимировна

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ОТРЫВОК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ДРАМА. В ТОБОЛЬСКЕ": К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛЬНОГО И "ВОЗМОЖНОГО" СЮЖЕТА

Статья посвящена одному из нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского - "Драма. В Тобольске". Авторы раскрывают содержание понятий "реальный" и "возможный" сюжеты. Основное внимание сконцентрировано на реконструкции возможного сюжета незаконченного драматического замысла, показаны линии возможного развития сюжета незаконченного текста, грани соприкосновения отрывка "Драма. В Тобольске" с другими произведениями писателя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 13-15. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 882

Филологические науки

Статья посвящена одному из нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского – «Драма. В Тобольске». Авторы раскрывают содержание понятий «реальный» и «возможный» сюжеты. Основное внимание сконцентрировано на реконструкции возможного сюжета незаконченного драматического замысла, показаны линии возможного развития сюжета незаконченного текста, грани соприкосновения отрывка «Драма. В Тобольске» с другими произведениями писателя.

Ключевые слова и фразы: реальный сюжет; возможный сюжет; лакуны текста; незаконченные произведения; тексты открытой структуры; незаконченность; незавершенность; Ф. М. Достоевский.

Абрамовских Елена Валерьевна, д. филол. н., профессор

Трофимова Анастасия Владимировна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

nastya-samara@list.ru

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ОТРЫВОК Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ДРАМА. В ТОБОЛЬСКЕ»: К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛЬНОГО И «ВОЗМОЖНОГО» СЮЖЕТА©

Цель данной статьи – попытаться реконструировать незаконченный замысел Ф. М. Достоевского «Драма. В Тобольске», оставленный им в 1874 году.

Рассмотрим отрывок Ф. М. Достоевского с точки зрения потенциальных стратегий развития «возможного» сюжета.

Понятие «возможного сюжета» ввёл в парадигму литературоведения С. Бочаров [2, с. 17]. С. Н. Бройтман [3] на основании открытого финала и «степени и формы проявленности принципа сюжетной неопределенности» выделяет пять разновидностей «возможного» сюжета.

Остановимся на принципиальных для нашего исследования типах «возможного» сюжета и рассмотрим реализацию «возможного» сюжета в незаконченном отрывке Ф. М. Достоевского.

Ю. Н. Чумаков [10], по справедливому наблюдению С. Н. Бройтмана, говорит о «сюжетной полифонии», при которой реальный и виртуальный (возможный) сюжеты могут быть уравнены в значении, истолкованы и как реальный, и как возможный. Чумаков рассматривал это явление на примере трагедии Пушкина «Моцарт и Сальери». Исследователь акцентировал внимание на ремарке «(Бросает яд в стакан Моцарта)», в которой содержится явная неопределенность, поскольку в ней не указано, каким образом (тайно или открыто) Сальери бросает яд. Благодаря этой неопределенности, «подготовленной всем текстом, возникает возможность двух равновероятных версий: тайного и явного отравления» [7, с. 302]. В завершение своего исследования Ю. Н. Чумаков подчеркивает, что «принятие версии явного отравления не должно сопровождаться отказом от традиционной версии. <...> здесь обе сюжетные версии равно возможны и равно действительны» [Там же, с. 303].

Помимо указанного полифонического типа вероятностного («возможного») сюжета исследователи выделяют и «собственно возможный сюжет». По словам С. Н. Бройтмана, «его минимальные условия присутствуют... во введении традиционных мотивов, в которых ожидания не оправдываются дальнейшим развитием событий» [3, с. 301]. Но вводимый таким образом мотив может быть и нетрадиционным, а главное, он может воздействовать на сюжет не только «от противного» при его весьма значительном влиянии на архитектуру целого. Е. С. Хаев предложил называть такой сюжет виртуальным, по аналогии с элементарными частицами, которые сами по себе недоступны наблюдению, но проявляют себя через воздействие на видимые частицы [7, с. 302].

Итак, предлагаем в качестве рабочего следующее определение *возможного сюжета*. *Возможный сюжет* – потенциальный (не реальный!) авторский сюжет, моделируемый участками неопределенности текста (лакунами) и провоцирующий сознание читателя на его реконструкцию.

Особенно значимым возможный сюжет оказывается для произведений *нон-финито*. Мы имеем в виду как произведения незаконченные, так и незавершенные. Под *незаконченным* мы понимаем текст, случайно не оконченный автором по каким-либо объективным или субъективным причинам. Обратимся к замыслу «Драма. В Тобольске».

«Драма. В Тобольске» Ф. М. Достоевского не была осуществлена в качестве законченного произведения. Набросок датирован 13 сентября 1874 г., временем работы над романом «Подросток». Заглавие дано автором, замысел довольно подробно проработан Ф. М. Достоевским, представляет собой краткое описание сюжета будущей драмы (цепь сюжетных ситуаций).

Замысел практически не привлекал внимание исследователей, текстологический комментарий к «Драме. В Тобольске» дает Л. П. Гроссман в работе «Последний роман Достоевского»: «Нетрудно увидеть в этой записи реминисценцию истории подпоручика Ильинского и первый абрис "Братьев Карамазовых". Помимо истории Дмитрия Федоровича, здесь дана и фабула вставной новеллы романа – "Таинственный посетитель".

Покаяние тайного убийцы перед собранием гостей, приехавших поздравить его с днем рождения, полностью разработано в рассказе Зосимы» [4, с. 36]. Б. Н. Тихомиров в словаре-справочнике «Достоевский» полагает, что набросок «Драма. В Тобольске» был переходным между «Романом о Князе и Ростовщике» и «Братьями Карамазовыми» [8, с. 182], а Г. М. Фридендер [9, с. 144-145] (вслед за Гроссманом) считает, что трансформация «Драмы. В Тобольске» в роман-эпопею «Братья Карамазовы» совершилась в результате сращения ее фабулы с многочисленными возникавшими параллельно и позднее замыслами Достоевского 1874-1878 гг.

В основе сюжета лежит реальная история невинно осужденного за отцеубийство Дмитрия Ильинского. Автор отмечает: «*В Тобольске, лет двадцать назад, вроде истории Ильинского*», т.е. события романа отнесены к 1850-м годам (дореформенный период), и это соответствует реальным обстоятельствам осуждения Ильинского. Эта ситуация уже привлекала внимание автора в «Записках из Мертвого дома», в своих черновых тетрадах и публицистике Достоевский не раз касался темы правосудия, в «Дневнике писателя» Достоевский анализировал судебные процессы 1870-х гг., об этом подробно написал достоевковед Г. К. Щенников в статье «Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов» [11, с. 3-23].

Лакуны текста формируют «возможный сюжет» «Драмы. В Тобольске». Произведение, вероятно, мыслится как психологическая драма о двух братьях-соперниках и преступлении одного из них. Основное содержание драмы – путь обоих братьев к нравственному возрождению. «*Два брата, старый отец, у одного невеста, в которую тайно и завистливо влюблен второй брат. Но она любит старшего*» [6, с. 5]. Вероятно, в драме в трансформированном виде представлен ветхозаветный сюжет о Каине и Авеле. Отцеубийство в таком случае можно рассматривать как бунт против Бога – отца. Важен и мотив зависти. Младший брат завидовал старшему. Общественный фон драмы не прописан детально, перед читателем предстают следующие персонажи: два брата-соперника, убитый отец и невеста старшего брата (которая затем стала женой младшего).

В основе сюжета – убийство отца: «*Старший, молодой прапорщик, кутит и дурит, ссорится с отцом. Отец исчезает. Несколько дней ни слуху ни духу. Братья говорят об наследстве. И вдруг власти: вырывают из подполья тело. Улики на старшего (младший не живет вместе)*» [Там же]. Предыстории, повествующей читателю об отношениях братьев и отца (такой, какая дана нам в романе «Братья Карамазовы»), в наброске не имеется. Но образ старшего брата в описании во многом перекликается с Дмитрием Карамазовым.

Достоевский отмечает и близость своей драмы детективному сюжету: «*Старшего отдают под суд и осуждают на каторгу. NB. Ссорился с отцом, похвалялся наследством покойной матери и прочая дурь... Публика не знает наверно, кто убил*» [Там же]. Важен момент отстранения невесты, когда старший брат входит в комнату. «*Он, пьяненький, сказал "Неужели и ты веруешь?"*» [Там же]. Вероятнее всего, она впоследствии станет женой младшего брата (любившего ее). Спустя годы именно она просит у невинно осужденного каторжника молчать и спасти нелюбимого мужа.

Достоевский выносит в новый абзац сцену на каторге. Старшего пытаются убить, но он не выдает обидчиков начальству, «*каторжные клянутся ему братством*» [Там же]. Братство здесь можно рассматривать как христианскую категорию. «*Брат через двенадцать лет приезжает его видеть*» [Там же], здесь важной является христианская символика числа двенадцать. Автор отмечает, что братья безмолвно понимают друг друга. Именно с этого момента младший брат начинает свой путь к нравственному возрождению и раскаянию.

С тех пор проходит еще 7 лет (число снова выбрано не случайно). Младший брат в чинах, но постоянно мучается и ипохондрит, объявляет жене, что убил. Автор приводит важную сцену покаяния младшего брата: «*День рождения младшего. Гости в сборе. Выходит: "Я убил". Думают, что удар*» [Там же]. Гости не принимают слова брата всерьез, списывают на сумасшествие. Таким образом, в драме появляется важный для Достоевского мотив сумасшествия, выступающий как пограничное состояние между жизнью и смертью (причем очень важна взаимосвязь жизни и смерти физической и духовной). Зачастую у Достоевского духовная смерть заканчивается и физическим прекращением жизни (чаще самоубийство). Но герой драмы выходит из этого пограничного состояния и идет к искуплению своей вины. За данной сценой следует полное раскаяние брата и принятие своего наказания. «*Тот возвращается. Этот на пересыльном. Его отсылают. Младший просит старшего быть отцом его детей*» [Там же].

Замысел изобилует христианскими мотивами: человеческого братства («*каторжные клянутся ему братством*»), всепрощения («*Ты и без того наказан*»), смирения, принятия вины за другого; важной здесь является и христианская символика чисел 7 и 12. Число 7 символизирует полный круг жизни, не случайно именно через семь лет после последнего визита младший брат приходит к новой жизни. Автор отмечает в заключении: «*На правый путь ступил*» [Там же].

Необходимо отметить, что замысел «Драмы. В Тобольске» тесно связан с замыслом романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (незавершенного с точки зрения реализации авторского замысла). С. В. Белов отмечает, что *осенью 1874 г. писатель задумал на основе этой истории написать психологическую «драму» о преступлении и нравственном перерождении двух братьев («Драма. В Тобольске...»), но затем этот замысел существенно трансформировался и перерос в грандиозный эпический роман* (вероятно, задуманный с оглядкой на эпопею Л. Н. Толстого «Война и мир») [1, с. 119-127].

Вероятно, Ф. М. Достоевский оставил «Драму. В Тобольске» из-за работы над более обширными замыслами (работа над романом «Подросток»). Вернулся писатель к этому замыслу спустя несколько лет, сюжетные зерна «Драмы» сохраняются в романе «Братья Карамазовы», но трансформируются в значительной степени. Это в очередной раз доказывает принцип «экономного хозяйства» для Достоевского, большинство его замыслов частично поглощены более поздними произведениями писателя.

Бесспорно, в основу обоих произведений легла история Ильинского, в основе сюжета – отцеубийство. Достоевский, потрясенный судьбой обвиняемого в отцеубийстве, обращается к этой истории в ряде своих произведений: «Записки из Мертвого дома», «Драма. В Тобольске», «Братья Карамазовы». Стоит отметить, что меняется мотив убийства. В «Драме» мотивом убийства становится зависть и ревность, тогда как в «Братьях Карамазовых» этого не наблюдается.

Важным является образ женщины в романе, которая заявлена в начале романа как невеста одного из братьев, в которую тайно и страстно влюблен другой. Вероятнее всего, потом именно она является женой убийцы и на коленах просит невинно осужденного не выдавать брата. Во многом вокруг этого образа организуется сюжет.

Нельзя оставить незамеченной своеобразную смену ролей в романе. Сначала старший брат принимает вину за младшего, а младший живет его жизнью и женится на его невесте; после раскаяния убийца принимает свою вину и завещает старшему брату заботу о своей семье. В «Братьях Карамазовых» подобная ситуация не разрабатывается.

Тема религии и духовного поиска сближает поэму с другими произведениями творческой лаборатории писателя: «Сороковины» [6, с. 6], «Житие Великого Грешника» [5, с. 125], «Роман о христианине» [Там же, с. 115], «Идея. Юродивый (присяжный поверенный)» [Там же, с. 114], «Мечтатель» [6, с. 8], «Роман о князе и рововщике» [5, с. 122], «Слесарек» [6, с. 11], «Смерть поэта» [5, с. 120].

Отмеченные лакуны текста позволяют подготовленному читателю реконструировать возможный сюжет драмы. Незаконченные произведения Федора Михайловича Достоевского являются своеобразной творческой лабораторией. Идеи, которые представлены в его незаконченном наследии находят свое отражение и развитие в законченной прозе, а также идейно перекликаются с незаконченными текстами писателя.

Список литературы

1. Белов С. В. Ф. М. Достоевский: энциклопедия. М.: Просвещение, 2010. 743 с.
2. Бочаров С. Г. О реальном и возможном сюжете // Динамическая поэтика: от замысла к воплощению. М.: Просвещение, 1990. С. 14–38.
3. Бройтман С. Н. Историческая поэтика // Теория литературы: учебное пособие: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. С. 300-303.
4. Гроссман Л. П. Последний роман Достоевского // Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М.: Молодая гвардия, 1935. Т. 1.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1971-1987. Т. 9. 528 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1971-1987. Т. 17. 479 с.
7. Теория литературы: учеб. пособие: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. Бройтман С. Н. Историческая поэтика. 368 с.
8. Тихомиров Б. Н. Драма. В Тобольске // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь-справочник / сост. и науч. ред. Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров. СПб.: Пушкинский Дом, 2008.
9. Фридлендер Г. М. Достоевский и мировая литература. Изд-е 2-е. М.: Художественная литература, 1985.
10. Чумаков Ю. Н. Ремарка и сюжет: к истолкованию «Моцарта и Сальери» // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1979. С. 69-70.
11. Щенников Г. К. Проблема правосудия в публицистике Достоевского 70-х годов // Русская литература 1870-1890-х годов. Свердловск: Урал, 1971. С. 3-23.

THE UNFINISHED PASSAGE BY F. M. DOSTOYEVSKY “DRAMA. IN TOBOLSK”: THE PROBLEM OF REAL AND “POSSIBLE” PLOT

Abramovskikh Elena Valer'evna, Doctor in Philology, Professor
Trofimova Anastasiya Vladimirovna
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
nastyia-samara@list.ru

The article is devoted to one of the unrealized artistic idea of Fyodor Dostoyevsky – “Drama. In Tobolsk”. The authors reveal the content of the notions of “real” and “possible” plots. Main attention is drawn to the reconstruction of the possible plot of the unfinished dramatic idea, the possible lines of the plot development of the unfinished text and the facets of contact of the passage “Drama. In Tobolsk” with other works of the writer are shown.

Key words and phrases: real plot; possible plot; lacunae of the text; unfinished works; texts of open structure; unfinished state; incompleteness; Fyodor Dostoyevsky.